

Ольга Ладохина

Рыжий город смеется

О современном «одесском тексте»

Объектами изучения характерных особенностей поэтики «одесского текста» могут быть, на наш взгляд, не только произведения литераторов В. Дорошевича, С. Юшкевича, А. Аверченко и других, на рубеже XIX и XX столетий создавших персонажей с колоритным «одесским характером».

Остановимся на характерных особенностях произведений двух современных одесских авторов: М. Жванецкого и Г. Голубенко. Отличительные черты «одесского текста»: карнавализация, присутствие в произведении перевертышей социальных отношений, сходных со средневековыми традициями игры в «майского короля», насыщенность текста фольклорными элементами речи, наполненном чудным одесским юмором; присутствие в тексте мотивов свободы личности, авантюризма и приключений, морского беспредельного пространства как символа открытости миру – у современных авторов дополнены новыми, характеризующими современный этап развития литературы «Южной Пальмиры»: чувство зыбкости, бессосновности бытия; появление образов, передающих семантику транзита, порой выводящего человека из реального мира в пространство неведомого и запредельного; все большее распространение в литературе образа расчетливого и респектабельного бизнесмена – Штольца начала XXI века.

Начнем с «карнавализации текста». Именно в этих случаях в литературном произведении отражается основа карнавального мироощущения – пафос увенчания-развенчания, связанная с яркими, поистине театральными представлениями, разыгрываемыми героями произведений, пафос обновления и перемен. У М. Жванецкого в сборнике рассказов «Южное лето (Читать

на Севере)» эстетика одесского карнавала приобретает остро современные черты. Так, в одном случае колоритными участниками невольного театрального действия становятся люди, которые получили рабочий загар не как раньше, на колхозных просторах, а за прилавками рыночной экономики: «На «Плитах» недаром появились первые люди с трудовым загаром. То есть кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры в штанах. Наконец-то! Спрашиваю: «В поле?». Нет, говорят, на базаре. Хотя турецкий базар сдает, не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путаны им надоели, зато мы все в турецком».* В другом – одесситы, разыгрывающие водную феерию в мрачные дни ГКЧП по руководством М. Жванецкого и А. Пугачевой: «Все пятьсот с фотографиями и детьми пошли на соседний пляж. Там присоединились еще пятьсот. – А теперь в воду, закричала певица, – как на крещении. – Сейчас я разденусь! – крикнул один. – Не раздеваться! Кто в чем. Чрезвычайное положение... И все вошли в воду. Пятьсот и еще пятьсот и запели: «Вихри враждебные веют над нами», и запевалой была она, и они были хором. А я на берегу проводил летучий митинг-беседу с теми, кого интересовало. Что такое ЧП, ДП, КГБ, КПУ».**

Не упускает из виду маститый сатирик и такое явление, как приобретение современной карнавализацией черт тотального характера (явно солидаризируясь в этом с У. Эко), когда ее признаки проявляются не только в рамках шоу-бизнеса, но и на рабочем месте (когда в компьютерах представителей «офисного планктона» есть множество картинок из мужских журналов и ролевых игр), и в спорте (который все чаще приобретает черты индустрии, а не зрелища), и в политике (все чаще реализуемой не за депутатскими трибунами и в министерских кабинетах, а в ярко оформленных ток-шоу и телепоединках между медийными лицами). Такого рода всеобъемлющая карнавализация, по мнению известнейшего историка-медиевиста и специалиста по семиотике, никого не насыщает, а лишь разжигает аппетит и в будущем может даже довести общество до анекдотической ситуации типа «Девушка, а сегодня после оргии

* 2, с. 9.

** Там же, с. 15.

вы чего делаете вечером?»***. В одном случае пристальный взгляд М. Жванецкого не проходит мимо такого явления, как способы преодоления одесского сплина: «Лето. Аркадия. И, конечно, горит пирожковая, ибо количество пирожков, жаренных в одном и том же масле, перекрыло все рекорды... Зрители заполняли первые ряды. Через каких-то 40 минут под овации подъехали пожарные, каждое их движение сопровождалось аплодисментами. Большое удовольствие вызвало сообщение старшего, что у них нет воды, и они под аплодисменты и крики «браво» потащили куда-то шланг. Зрители советовали туда же тащить пирожковую. Наблюдать такую сцену одному было крайне неловко, и народ побежал за женой с криком «подождите секундочку»... В Одессе очень благодарный зритель. Что делать, если в городе такая скука, а театр Сатиры себя не оправдал».**** В другом – телеграфным слогом описывает сходную по атмосфере с итальянском действием «прощай, мясо» вечеринку нуворишей с одесскими красотками:

«Вот я провел два дня с богатыми.
И сам не беден.
Но мое не в счет...
Свет столбом.
Столы.
Бассейны.
Динамики лицом.
Звук бьет в грудную клетку.
Красивые в воде.
Похуже – в танце.
Все нервничают.
Звездный штурм.
Три самолета денежных мешков на два автобуса красивых тел.
Расправа близится.
Но спешки нет...»*****

*** 6, с. 146-148.

**** 2, с. 36-37.

***** Там же, с. 151-152.

Искусный лицетворитель одесских Труффальдино, Скарамуччи, Коломбины и Тартальи, Г. Голубенко в рассказе «Стоматологический детектив» не только в целях конспирации наделяет пациентов стоматолога на дому Конотопского чертами своеобразных персонажей-масок итальянской комедии дель арте («Значит, вы, юноша, – повторил доктор, – мой сын от первого брака. Этот, – врач указал на человека в военной форме с флюсом во всю щеку, – допустим... э... муж моей жены от второго брака... Она, – ткнул он пальцем в жалобно стонущую старушку с челюстью, перевязанной шерстяным платком, ну, скажем, мамаша. Зашла, так сказать, отпраздновать. Ну и, наконец, этот, – врач показал на громилу явно бандитского вида, физиономию которого украшали сразу два флюса, – допустим, друг семьи... Коллега из Академии наук. Все запомнили?»*), но и сблизжает развитие сюжета зуболечебной комедии дзанни с моделью синтетического театра Мейерхольда и Вахтангова, вынуждая посетителей доктора к хоровому пению, для того чтобы заглушить крики обслуживаемых без наркоза пациентов («Нуте-с, с кого начнем? – поинтересовался доктор, надевая толстенную рукавицу. – Я думаю, с бабушки. Из уважения к ее почтенному возрасту, – и он потянулся за плоскозубцами. – А-а-а-а! – сразу же заголосила старушка. – Хороши весной в саду цветочки! – взвыли мы иступленными голосами.»*)

Как и М. Жванецкий, Г. Голубенко пристально всматривается в яркое зрелище пожара, непрестанно вызывающего жгучее любопытство его невольных очевидцев. Вот только проблема его тушения (в рассказе «Пожар на Слободке») оказалась не в отсутствии воды, а в нацеленности отважных огнеборцев на строгое выполнение учебных нормативов: «Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль – грузовик яр-

* 1, с.77.

** Там же, с. 79.

ко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове... Пожарные прыгнули на землю. – Стоп. Стоп, стоп!.. – закричал главный пожарный. – Это никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу, и вижу у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!..»*** Не в меньшей мере театрализованным действием в глазах писателя предстает и зрелище другого стихийного бедствия, только прямо противоположного свойства: «Я сидел в комнате на подоконнике и смотрел, как начинается наводнение. Вода за окном поднималась все выше и выше... Но тут дождь прекратился, и из окрестных домов стали выплывать местные жители на шифоньерах. В зеркальных дверцах шкафов празднично отражались голубые прорехи на сереньких небесах»**** Где же трагедия стихии, где слезы попавших в беду одесситов? Может, Г. Голубенко что-то разглядел в менталитете жителей этого солнечного города, с регулярным упорством превращающих его в забавного коверного цвета наивных веснушек: «Каждый город имеет свой цвет. Москва – белокаменная. Иерусалим – золотой. Одесса – город рыжий. Построенный из рыжего камня, купающийся в ослепительно рыжем солнце. Он рыжий еще и потому, что вот уже более двухсот лет блестяще исполняет, как говорится, на мировой арене, роль рыжего клоуна, постоянно развлекающего всех, кто приезжает сюда, своими смешными, а иногда чуть печальными шутками»*****

Социальные перевертыши в стиле игровых забав в «майского короля» у М. Жванецкого представлены в одном фрагменте «Южного лета» шоковой встречей молодого советского инженера с прелестями плавучего «капиталистического рая»: «Я застегнул плотнее сорочку имени Воровского, чтоб скрыть майку трикотажного объединения «Большевик» и побрел дальше по всем восьми шикарным этажам лайнера «Максим Горький»,

*** Там же, с. 8-9.

**** Там же, с. 16.

***** Там же, с. 5

зашедшего в Одессу на 12 часов с немцами ФРГ, куда я, невыездной с детства, через закрытую границу с помощью моего тайного друга, бывшего секретаря ВЛКСМ ОИИМФ, а ныне начальника пассажирского флота, проник»* (чем не король?); но через некоторое время: «Ввиду полной невозможности дальнейшего пребывания в капитализме, ввиду униженности, незнания сортов пива и колбас, я попросил вывести меня обратно за борт, где и остался с наслаждением в общественном туалете морвокзала среди посетителей ресторана, многие из которых мочились, уже не расстегиваясь. Я был среди своих... Среди своих я был недолго, Я стал сатириком** (так быстро – шут). В другом – стремительно совершившимися метаморфозами «руководящей и направляющей» и ее обожествленного вождя: «Помнишь среди помоев и дерьма стояли здания с колоннами. А впереди Владимир Ильич показывал рукой в разные стороны и подмигивал левым глазом в птичьей помете, на указательном пальце сидел какой-то мерзавец из голубей и дискредитировал направление окончательно. Теперь ВКП(б) выезжает из этих колонн, Ильич выезжает из мавзолея, и они вместе переезжают на новое место...»*** (насчет мавзолея уважаемый сатирик несколько погорячился, но посмотрите на дату написания текста – 7 сентября 1991 года, и тогда эта поспешность может быть вполне объяснима).

У автора «Рыжего города» в «королевских играх участвуют пусть не такие бронзоволикие фигуры, но зато пороки человеческие, ставшие объектом насмешек писателя, предстают в эталонных образцах. И если в первом случае (в эпизоде землетрясения) – это научный авантюризм: «Больницу опять трянуло. И тут. Уже на втором этаже я увидел единственного человека, которого все происходящее приводило в полный восторг. Это был заведующий отделением хирургии. Дело в том, что он недавно защитил диссертацию, в которой доказывал, что советский больной уже на второй день после самой тяжелой операции может вставать, а на третий – идти на работу. И все бы

* 2, с. 87.

** Там же, с. 89.

*** Там же, с. 18.

хорошо, вот только больные после его операций никак не хотели встать ни на второй день, ни на десятый. А некоторые и вообще. То есть не понимали люди, какой народнохозяйственный эффект может дать такое открытие»****, то во втором (в рассказе о квартирной афере маклера Левы Рыжака) – элементарная человеческая жадность: «А вы, мадам Грудиновкер, согласны ли вы стать женой этого человека? – вдова, естественно молчала... – И что дальше? – спрашивали обычно в этом месте Левиного рассказа его слушатели. – Что, что... А ничего! – отвечал Лева. – Думаете, померла? Держи карман шире! После такого ухода, таких лекарств и такой аппаратуры?! Пятнадцать лет прошло, а она жива и здорова, как гренадер. Сейчас ей уже за восемьдесят. Развода она мне не дает, живет у меня на квартире и требует исполнения супружеских обязанностей»*****.

Перевертыши «король-шут» в Средневековье обыгрывались в весьма экзотической манере: главная фигура действия – юноша в короне и мантии, поддерживаемой двумя пажами; впереди бежит шут, ударяя ремнем с узлом на конце по большой бадье-«барабану»... В наше время трудно себе представить аналогичный экстрим: невысокого достатка начинающий кандидат физико-математических наук за рулем «Порше Кайен» в сопровождении двух мальчиков на мотоскутерах Irbis, а впереди – Джигурда, неистово рвущий струны истерзанной гитары. Представили? Прогресс (особенно технологический), конечно, идет вперед, но тяга людей к карнавалу, небывальщине, остается неизменной.

Духовные ориентиры размываются; романтически задуманная мультикультурность понемногу начинает сопрягаться с понятием этической и эстетической энтропии; все чаще возникает ощущение зыбкости и бесосновности бытия. В результате для современного человека остается одно: двигаться наугад, не разбирая дороги, такое движение чревато как отчаянием, так и освобождением.

В мироощущении современных героев М. Жванецкого и Г. Голубенко отчаяния, конечно, побольше, чем позитивных

**** 1, с. 60.

***** Там же, с. 144-145.

ожиданий, – да и что другого можно ожидать в турбулентный период перехода от социализма к рыночной экономике: «Тут все просто... От тюрьмы не уйдешь... Это рынок... Дотронулся – плати... Нельзя сожрать и попросить прощения. Часы, запонки, пиджаки складываем вот сюда. В это ведро. Кому могут подвезти – звоните людям. Кому некому звонить, и нет часов, туфель, запонок, колец – тот сидит в ресторане, пока не рассветет, поет караоке. Принимает пальто и звонит тому, кто нас так кинул...»*. Это в ресторане; но беспокойно и на море: «Одесса. Спасательная вышка. По радио все время говорят: «Шлюпка номер 99, шлюпка номер 99, немедленно вернитесь». Тут один инструктор другому: «Слушай, у нас же всего 70 шлюпок...». Тот же голос: «Шлюпка номер 66, шлюпка номер 66, что там у вас случилось?»**. Но, может, вот он – проблеск надежды: кинофестиваль «Золотой Дюк»? «Тут Голливуд выпустил гангстерский фильм «Маленькая Одесса» о Нью-Йорке, так что авторитет нашего города в воровском и песенном мире большой, осталось подтянуться в физике и математике. Но это с годами. Пока нашей Одессе нечего продать, кроме климата, поэтому мы продаем свой климат и на эти деньги заказываем кино и музыку. Просим! Просим!...»***

Примечательно, что у одного из персонажей «Рыжего города» с научным багажом все в порядке, но только, как говорил небезызвестный Попандуполо, «нема золотого запаса»: «А все почему, – продолжал Леня. – Потому что он же у вас дегенерат. То есть придурок жизни, Сколько раз я ему говорил: брось ты уже эту свою кафедру, которой ты там заведываешь! Кому она сейчас нужна? Начни зарабатывать деньги! У тебя же такая профессия есть! Ты же в детстве музыкальную школу закончил по классу арфы. Да с твоими руками!.. Иди в наперсточники! Там сейчас люди такие бабки заколачивают!.. Так нет, он же у вас профессор!»****. У другого героя зыбкость бытия напрямую ассоциируется с неустойчивостью земной коры: «Первое

* 2, с. 217.

** Там же, с. 35.

*** Там же, с. 21.

**** 1, с. 191.

землетрясение застало меня в городской больнице. Надо сказать, больницы тогда, в семидесятые годы, были не то, что сейчас. То есть не в том смысле, что лучше лечили, в том, что попасть туда было невозможно. Разве что по знакомству. Это сейчас наш человек ложится в больницу только тогда, когда у него, извините, остается лишь два места, куда он может лечь, – или в больницу, или на кладбище».**** Третий персонаж «Рыжего города» – кот Вася, не опустил лапы и нашел оригинальный выход – вообще оторваться от земной твердыни: «В страшную зиму девяносто третьего года, когда по обледелелому и полуживому городу бродили стаи бездомных собак и одинокие фигуры полуголодных, каких-то с виду плохо побритых мужчин и таких же женщин, это кот показал нам всем, как решить проблему, которая тогда волновала многих, а именно – как покинуть эту родную землю, на которой, казалось, жить уже невозможно, в то же время по возможности не покидая ее. Он стал жить на дереве».*****

Зыбкость бытия пробуждает тягу к перемене мест, порождает семантику транзита. Одни герои М. Жванецкого скольжение в пространстве используют для игры в прятки с криминальными угрозами: «Теперь в успешной борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина».***** Другие – идут по улицам родного города, чтобы показать ГКЧП, что они не боятся: «И мы пошли. А из всех щелей Одессы дикторы Все-союзного радио шипели: «...запретить, сократить, наказать, посадить». Настроение у нас было прекрасным. Мы были наконец со своей публикой, и мы не знали, и мы не знали, мы, к стыду своему, не знали, что в Москве народ вышел против танков».***** Третьи, покидая Одессу, навсегда сохраняют ее образ в своем сердце: «А Одесса есть движимая и недвижимая. Одесса недвижимая – где каждое поколение кладет свой

**** Там же, с. 57-58.

***** Там же, с. 163.

***** 2, с. 8.

***** Там же, с. 16.

камень. Талантливый или бездарный – зависит от того, как развивается данный момент... А есть Одесса движимая. Движимая – та, которую увозят в душе. Покидая. Она – память. Она – музыка. Она – воображение. Эта Одесса струится из глаз. Эта Одесса звучит в интонациях».*

У Г. Голубенко свой взгляд на проблему неотвратимого, как ледоход весной, исхода из Одессы излагает колоритный шутник Жора – рубщик рыбы с Привоза: «И вот несколько лет назад все они стали подходить ко мне и спрашивать: ехать им в Израиль или нет? И всем я говорил – да! Обязательно. И они решили: раз такой неглупый еврей, как Жора, говорит нам, что надо ехать, – значит надо ехать. И уехали. А я остался, Ну откуда же им было знать, что я албанец? Теперь я здесь самый умный».** Для себя в одесском транзите Жора видит и определенные конкурентные преимущества: «...Вам бы в молодости учиться, а потом выступать на эстраде. – Так я на Привозе выступаю уже сорок лет, – философски отвечает Жора. – Можно подумать, сильно большая разница. Особенно сейчас, когда все наши великие юмористы разъехались кто куда, и теперь, чтобы попасть на их концерт, нужно платить бешеные деньги, – так люди приходят ко мне и всего за несколько гривен имеют и свежую рыбу, и почти что свежую шутку».**

Одесситы всегда славились своей предприимчивостью и авантюризмом – недаром жители «вольного города». Вы бы никогда не сообразили, как использовать обычный медицинский прибор для романтических свиданий, а он догадался: «Мой друг Аркадий очень умен. Пришла девушка чинить слуховой аппарат для бабушки. Девушка была очаровательной. Мой друг был виртуозом. Он починил аппарат на два дня. В четверг к шести мы ждали ее снова. Он ремонтировал. Я говорил. После третьего свидания мы пошли в ресторан».** Вы бы не осмелились организовать приравниваемый к измене Родине پوشивочный андеграунд, а они рискнули: «Бойцам подпольного

* Там же, с. 10.

** 1, с. 45-46.

*** Там же, с. 47-48.

**** 2, с. 39.

трудового фронта посвящается наш рассказ. Героям, которые, несмотря на суровую статью «О нетрудовых доходах» (а была такая в советском Уголовном кодексе), продолжали все же в тяжелых домашних условиях производить штаны, которые, в отличие от изготовленных на государственных предприятиях, все-таки можно было натянуть на себя, не отпугивая при этом людей и животных».^{*****}

Но пришли новые времена, и артистичные Бендеры сменились прагматичными Штольцами: «Все поменялось. Штольц стал новым русским. Обломов превратился в бомжа, опустился на дно жизни. Он уже никому не нужен – с его добротой, голубиной душой. Симпатии общества на стороне людей деятельных, преуспевающих».^{*****} Но так ли все однозначно? Если колокол общества благоденствия звонит по сибариту Илье Ильичу, не звонит ли он по тебе? Созерцательность и мечтательность не в моде, скажут многие, и будут, наверно, правы. Но без них пропадает что-то неуловимо прекрасное, как едва различимый запах сирени в саду героя И. Гончарова. В литературной антитезе Обломов – Штольц Э. Радзинский видит и более серьезные социальные вызовы для страны: по его словам, идея несправедности любого богатства – очень народная идея. И оттого телевидение, постоянно показывая жизнь новых русских, делает весьма опасную работу. Россия – не колбасная страна, не страна Штольца. И духовность, важность идеологии остается.

М. Жванецкий тоже, видимо, не против новой волны одесских предпринимателей, но вот в деталях, черточках, нюансах... «Мне только жаль ребят однообразных. Работа, виски, перелет, закуски, стол, куплеты, децибелы, террористки, виски, лед, концерт, бассейн и перелет. И децибелы, децибелы. Все видно, но не слышно».^{*****} И еще: «Кто-то ловит рыбу, кто-то ловит дичь, кто-то ищет грибы. Этот ищет деньги – и находит дичь, грибы и рыбу».^{*****} Ну, уж совсем никуда – негоциант на государственной должности: «Милый тихий таможенник свою

***** 1, с. 75.

***** Парламентская газета № 168, 2004.

***** 2, с. 154.

***** Там же, с. 39.

дачу строил и ломал: – Нет, это не скромно. – Облицевал забор гранитом, посмотрел – сломал: Нескромно! – В бассейне лампы по 20 тысяч заменил: – Господи, прости нас, грешных. Нескромно я буду. – Три машины плитки – золотом по малахиту – оторвал и выбросил: – Не то, не то, братцы. Не таким я себя вижу!»* И вот только меценатство – симпатично и как-то по-человечески среди акул большого бизнеса, особенно если это для осеннего кинофестиваля «Золотой Дюк»: «Но в том-то и фокус обратного движения от социализма к капитализму, что все происходит само собой... Заявить, что ограблены трудящиеся, нельзя, ибо никто из их зарплаты ничего не удерживал. Значит, как столики на пляжах, как магазины на улицах, как одесситы в Стамбуле, так и появился фестиваль. Спасибо товарищу Сталину! Кто-то скажет: но пропали пионерлагеря, а кто-то ответит: но исчезли очереди. А кто-то скажет: но пропали санатории в Сочи. А кто-то ответит: но добавился Кипр. Так что организаторы принимают любые претензии от одесситов, вложивших какую-то лепту в золотого Дюка. От сторонних требуется присутствие и хохот в нужных местах».**

Автор «Рыжего города» тоже в целом не против свежего вина в старые меха одесского экономического чуда, но горчинка одна имеется: беззастенчивый обман. Шарлатанство с народными лечебными средствами: «А мы вам предлагаем пояса из экологическим чистых густошерстных высокогорных собак. Породы дикая болонка. И понеслось. Закупили мы у водопроводчиков полтора километра войлока, которым они трубы на зиму оборачивают. Двести надомниц сидят день и ночь. Строчат из него эти самые собачьи пояса. А лохи прыгают вокруг нас, как те же болонки – только уже не дикие, а дрессированные, – и в зубах деньги протягивают»***. Околпачивание любителей антиквариата: «А деньги ж тогда за что заплатил? – всплеснула руками жена. – За идею, Лялечка! За идею. Согласись – идея не слабая. В Одессе, конечно, не прохилляет, но если скупить здесь этих котов штук пятьсот, скажем, по од-

* Там же, с. 209.

** Там же, с. 21.

*** 1, с. 167.

ной гривне за штуку, а потом продать их как львов всем крутым города Николаева по тысяче баксов, это получается...».****

Объегоривание налоговых органов: «Горела какая-то контора... Хозяин офиса – бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был понятен даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы: – А ну предъявите ваши финансовые документы! – Сгорели во время пожара...»***** Но неужели все – сплошное плутовство и охмурез? Не так все мрачно, дает понять Г. Голубенко. Вполне может быть симпатичен симбиоз безбашенного риска и трезвого экономического расчета: «Свой путь к вершинам материального благополучия Рома Каплун начал с того, что переселился с женой и детьми в будку для продажи газированной воды, в которой он и работал, а небольшой дом, доставшийся ему от родителей, сдал в аренду какой-то пожилой американке, приехавшей в Одессу по заданию своей заокеанской компании с целью разобраться, действительно ли в этой стране живут законченные придурки, и если да – немедленно открыть в центре города желательного очень дорогой магазин по продаже американского ношеного белья».*****

Предприимчивость, изобретательность, авантюризм в основе своей обычно предполагают определенный зазор свободы, люфт вольности. Особенно это важно для людей творческих профессий. М. Жванецкий так описал примечательный для обозначения мотива свободы эпизод: «В Одессу был назначен новый секретарь обкома. Имя не помню. Вдруг я был приглашен на беседу. Мне была сказана редчайшая фраза: «Какие проблемы, товарищ Жванецкий?»... и вот я, вместо того чтобы просить проволоку, столбы, телефон, квартиру, что-то конкретное и понятное для секретаря, я попросил свободу. Тихо, робко... не для всех. Для себя. Он при

**** Там же, с. 154.

***** Там же, с. 7.

***** Там же, с. 157.

мне записал в перекидной календарь: «Свободу Ж...». Записал где-то на конец недели с шестнадцати тридцати после встречи с передовиками производства».*

Если делать небольшой экскурс в историю, понятие творческой свободы постепенно вытесняет понятие свободы от препятствий (принуждения, судьбы). В древней философии (у Сократа и Платона) рассматриваются, прежде всего, свобода от судьбы, потом свобода от политического деспотизма (у Аристотеля и Эпикура) и горести человеческого существования (у Эпикура, стоиков, в неоплатонизме). В Средние века под свободой понималась свобода от греха и проклятия церкви; в эпоху Ренессанса и последующий период – беспрепятственное всестороннее развитие человеческой личности. Лучшие образцы литературы и искусства во все времена питались идеями свободы, показывали неодолимую тягу личности к независимости и вольности духа. Но это классика, а что же современное искусство? Тут порой случаются парадоксальные эпизоды. Один из таких приводит известный словенский культуролог и социальный философ Славој Жижек: «Один испанский историк обнаружил первый случай использования современного искусства как изощренной формы пытки: Кандинский и Клее, а также Бунюэль и Дали, сами того не подозревая, послужили источниками вдохновения при создании ряда тайных камер и пыточных центров, основанных в Барселоне в 1938 году, – творений французского анархиста Альфонса Лавренчича (словенская фамилия!), который изобрел «психотехническую» форму пытки: он разработал свои так называемые цветные камеры для борьбы с силами Франко. К созданию этих камер его побудили идеи геометрической абстракции и сюрреализма, а также авангардистские теории о психологических свойствах цвета. Нары располагались под углом в 20 градусов, что почти полностью исключало возможность спать на них, а пол камеры площадью 6 на 3 фута был усеян кирпичами и другими геометрическими предметами, что не позволяло заключенным прогуливаться взад-вперед. Единственное, что оставалось узникам, – это пялиться на кривые стены, покрытые невероятными

* Жванецкий 2014, с. 137.

изображениями кубов, квадратов, прямых линий и спиралей, в которых были использованы свойства цвета, перспективы и масштаба, для того чтобы вызвать расстройство и измождение ума». ** Знал бы В. Кандинский (кстати, выпускник одесской гимназии), что его знаменитые «Колеблющиеся треугольники» станут не только образцом творческой свободы художника и классикой абстракционизма, но и послужат реалиям самого противоположного свойства.

Представления общества о свободе порой столь причудливы, что становятся объектом иронии такого тонкого знатока человеческих душ, как М. Пруст. Об этом говорит известный лингвист и психоаналитик Ю. Кристева: «Мы свободны до тех пор, пока свобода нам позволяет не быть запертыми в сущности, которые сильны каждая по себе и которые находятся в состоянии войны с другими сущностями. Пруст, вызывающий мое восхищение, сказал, что Гамлет добрался до идеи, которая дает резюме всей нашей цивилизации, выраженной в вопросе «Быть или не быть?». Этот вопрос фундаментальный. Пруст считал, что французы, и вы оцените его иронию, абсолютно закономерную для такого большого сатирика... Он сказал, что французы переделали знаменитую фразу Гамлета следующим образом: «Дело не в том, быть или не быть, а в том, принадлежать или нет!». Они изменили идею идентичности, превратив ее в идею принадлежности. Становясь частью, вы относитесь к какому-нибудь клану, скажем, клану гомосексуалистов или к клану католиков, к французам евреям, и т. д.»***

Персонаж, да что там персонаж, прямой родственник М. Жванецкого тоже, казалось бы, мог принадлежать к многочисленному клану «советский человек». Мог бы, но не захотел (может быть, поэтому и был по-настоящему свободным?): «Что мог вспомнить мой дед? Всю жизнь работал. Никуда не выезжал. Никаких развлечений. Что он видел? Что он слышал? Он не мог поехать даже в Москву, не то что в Болгарию. Он протестовал своей жизнью. Он не замечал советскую власть. Жил в подвале. Торговал старыми газетами на Привозе по десять

** 3, с. 113.

*** 4, с. 220-221.

копеек. Люди брали, заворачивали селедку, мясо, брынзу, творог... Мрачный, молчаливый, одинокий. Не принимал помощи от детей. Ничего не хотел иметь общего с советской властью. Даже детей».* Внуку, видимо, генетически передалась аллергия к «Софье Власьевне»: «...вдруг на экране появляются восемь рож и разными руками, плохим русским языком объявляют ЧП, ДДТ, КГБ, ДНД... До этого ввали, после этого ввали, но во время этого ввали как никогда. А потом пошли знакомые слова: «Не читать, не говорить, не выходить. Америку и Англию обзывать, после 23 в туалете...»** Но и лихая демократия 90-х, пришедшая после победы над ГКЧП, не слишком вдохновила многоопытного сатирика: «И выборы – свободные. Сбылось... Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно. А вот того или не того? Но правильно. В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг другу все язвы, все равно надо выбрать, и второй сразу затихает, и уже тише наполовину, на одного. Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и тяжелый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья – это еще не водопроводчики».**

Один из персонажей Г. Голубенко – Боря Брант, скромный закройщик одесского ателье «Счастье», тоже имевший принципиальные разногласия с бодрой идеологией строителей коммунизма, избрал иной путь, чем нелюдимый дед М. Жванецкого: он «сел однажды утром и написал сразу два заявления. Первое – в партком, с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе – в дирекцию, с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в государство Израиль. – Ты что, Боря, с ума сошел? – спросила его жена, имея в виду первое заявление».** Интересна же реакция на вызывающие оторопь планы закройщика его коллег по работе: «Собрание, на котором Боря клеймили

* 2, с. 99.

** Там же, с. 13.

*** Там же, с. 8-9.

**** 1, с. 186.

в связи с отъездом, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Коноводченко сказал, что про тонущий корабль – это, пожалуй, слишком, и в протоколе записали, что Боря бежит, как крыса с нашего быстроходного лайнера. Потом выступил ветеран ВОХРа товарищ Шварц (о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником еврейских погромов не с той стороны) и говорил о том, что в 29-м году его родители уезжали на жительство в Палестину, и на него уже был куплен билет, но он, как комсомольски настроенный пионер, героически спрятался...»***** Впрочем, итоги жарким дискуссиям по поводу отъезда Бори Бранта на землю обетованную подвело само время, а собрание «...было ли оно таким на самом деле, или нет – спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Одессе давным-давно уже не осталось».

Если свое свободолюбие закройщик из ателье «Счастье» выражал способом транзита, то стремление к социальной справедливости жители одной из ветхих построек одесского жилфонда демонстрировали в более радикальной – митинговой форме: «Первая трехэтажка, рухнувшая в центре нашего города в далекие времена моей молодости, привлекла к себе, помнится, такое количество местных жителей и приезжих, что жильцы, в последний момент выскочившие из нее, чувствовали себя чуть ли не именинниками. – Главного секретаря обкома хотим!.. – митинговали они. – Вот пусть он приедет сюда и увидит, до чего довели жилфонд жэковские начальники!..»***** Митинговый пожар разгорался не на шутку, но потушен был (вы не поверите!) вескими доводами секретаря обкома о главенстве идей интернационализма (а тут какие-то мелочи – рухнувший дом): «Вас тут послушать – выходит, мы не заботимся о народе. А мы заботимся. Недавно народу Зимбабве послали партию ватников. А как иначе? Ведь когда-нибудь их зимбабвийским внукам вместе с нашими правнуками предстоит жить одной

***** Там же, с. 186-187.

***** Там же, с. 189.

***** Там же, с. 124.

большой дружной семьей в прекрасных дворцах, построенных из стекла и бетона!..»* Проницательный командир пожарного расчета одесской Слободки не замахивался на тушение пламени народного гнева, но интуитивно чувствовал, какое здание на самом деле когда-то загорится ярче всех – здание с надписью «Слава КПСС!», и готовил для этого самый лучший брендспойт: «Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брендспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай бог, загорится, или горком. – Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так мы не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..»**

С мотивом свободы тесно связан мотив морского бесконечного пространства как символа вольной стихии, связывающей между собой города и народы. В одном эпизоде М. Жванецкий описывает движение к одесской акватории трех юмористов, сердца которых очарованы открывающимся морским простором: «Три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю. К морю, которое, как небо и воздух, не подчинено никому, которое расходится от наших глаз вширь, непокоренное, свободное. И не скажешь о нем: «Родная земля». Оно уходит от тебя к другим, от них – к третьим. И так вдруг вздыбится и трахнет по любому берегу, что попробуй не уважать».*** В другом – передает ощущение грусти человека, который остается на берегу, когда другие уходят в открытое море, навстречу приключениям и сказочным городам: «Когда я работал в порту, самое печальное было сравнивать себя. Ты бегаешь, а пароходы стоят. А когда остановился ты – уходят они. В Африку, в Индию, в Сингапур. А ты стоишь, где стоял. И только смотришь и не понимаешь или понимаешь».****

Непередаваемую своеобразность произведениям «одесского текста» всегда придавали насыщенность своеобразным фольклором и солнечным одесским юмором. Только одесский автор

* Там же, с. 126.

** Там же, с. 11.

*** 2, с. 112.

**** Там же, с. 56.

мог написать небольшую оду родному городу таким языком: «Тем временем наступает вечер. И солнце, отправляясь на покой куда-то в спальный район Таирова, уже с трудом пробивается сквозь резные виноградные листья, нависающие над фонтанным столом, но нет конца молодому вину и нет конца таким невероятным историям – вечному «Одесскому Декамерону», а потому *перестаньте сказать*, что настоящей Одессы уже не существует. Да она за свои двести с хвостиком умирала уже неоднократно. Но весь фокус, дорогие мои, именно в том и состоит, что возрождается она как минимум на один раз чаще, чем умирает...»*****

Выявляя природу смешного, одесские авторы применяют два классических типа пародии, строящиеся на нарочитом несоответствии стилистического и тематического планов художественной формы. В одном случае это бурлеск (низкий предмет, излагаемый высоким стилем): «Скажите, в честь чего сегодня помидоры не рубль, а полтора? В честь чего? – В честь нашей встречи, мадам».***** В другом – травестия (высокий предмет, излагаемый низким стилем): «Смотри, Бог создавал человека целый рабочий день. Наверно, это и есть время, необходимое для создания человека. А тебя родители создавали максимум минут десять. Естественно, что ты получился немножко недоделанным».***** Для создания комического эффекта пригодится, конечно, и гиперболический сдвиг, особенно когда гипербола соседствует с абсурдом. В первом эпизоде преувеличение связано, видимо, с сохранившимися в памяти одесситов событиями 37-го года: «Город опустел. Люди заинтересовались газетами. – Говорят, зима будет холодной. – Кто говорит? – Его уже арестовали».***** Во втором практически затрагивается та же тема – сталинских репрессий, но на ней парадоксальным образом строится неплохой бизнес: «Теперь они все живут в Калифорнии, где Рома за довольно большие деньги продает местным жителям русские поношенные ватники, выдавая их за подлинную одежду узников ГУЛАГа».*****

***** 1, с. 284.

***** 2, с. 193.

***** 1, с. 46.

***** 2, с. 97.

***** 1, с. 160.

Юмор в контрасте с романтикой (которая соединяется через чувства с миром безграничного) ближе ко всему конечному; его стихия – искрометная смесь субъективности мысли и человеческого участия... Путь к главному рынку Одессы – что может быть обыденней и банальней? Но вслушайтесь в этот диалог: все на полутонах, романтики, конечно, никакой, но сколько теплоты и жизнелюбия: «Как пройти к Привозу? – Идите так, как я сижу. – Вы имеете в виду – лицом? – А как же! Идите. Я вас буду наблюдать. Если вы не туда свернете, я крикну. Идите, идите, пока я молчу. Идите».* А это уже на самом Привозе, в рыбных рядах, монолог: «Предлагаю коропа. Свежайший. Ах, тебя это не интересует!.. Ну тогда – барабулька. Вкуснейшая! Или глоська, без единой косточки. Ах, тебе и это по барабану... Угу... Значит, тебя устраивает костлявая, невкусная и несвежая, главное – чтобы была большая и недорогая? Да? Так что же ты мне сразу не сказал, что тебе на подарок?»** Комическое высекается из предметов, казалось бы, совсем не-юмор-емких (как вам новообразование?). Взять хотя бы аспекты уголовного права при советской власти: «Ну как я могу преподавать в юридическом институте, когда у нас в стране понятия «украдено» и «пропало» имеют противоположный смысл? Потому что то, что не украдено, то как раз пропало, а то, что украдено, наоборот, сохранено и служит людям!..»*** И уж совсем неожиданно – забористый ерш юмора и репрессивной машины сталинской эпохи: «В пятидесятом году они меня взяли. Месяц держат, второй, а потом приходят и спрашивают: «Ну что, придумал, наконец, за что ты у нас сидишь?» – «А что тут придумывать, отвечаю, за то, что у вас батя мой сидит уже восемь лет как албанский шпион». – «Так-то оно так, – говорят, только это нам не подходит. Товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает». – «Ну это, – говорю, он, наверное, про своего сына сказал». Тут как они обрадовались! «Так это же, – говорят, – совершенно другое дело». И вкатили мне сколько могли за оскорбление товарища Сталина...»****

* 2, с. 67.

** 1, с. 42.

*** Там же, с. 5.

**** Там же, с. 47.

Кто хоть раз побывал в Одессе, обязательно почувствует особую доверительную ауру уютных двориков этого солнечного города: «Нельзя в Одессе строить высотные дома. Нельзя наши дворы рассматривать сверху. У нас двор – это семья. Там свои перемещения, свои переговоры, своя кухня. Когда привык – втащили утром, вытащили вечером. Кто-то закричал от боли, кто-то – от страсти. Кто-то просушивает, кто-то проветривает. Мы вообще в трусах ходим. Нельзя на это все сверху смотреть. Мы стесняемся...»^{****} То же – с одесскими дачами, там свои обереги, там свои табу: «Надеюсь, вы не собираетесь его здесь арестовывать? – спросил у полковника хозяин дачи. – Да что я, дикарь, что ли, по-вашему? – возмутился в ответ полковник. – Или я обычаев одесских не знаю? Фонтанная дача – это как водопой в джунглях. Сюда приходят разные звери, пьют молодое вино, и никто никого не трогает. Грызть друг друга мы начинаем уже потом. Когда расходимся отсюда по домам, и работаем, и превращаемся обратно в человеков...»^{*****}

Об этой удивительной атмосфере родного города написал молодой одесский поэт с кудрявым псевдонимом Ес Соя:

ты – крестик
над моим маленьким храмом,
в этом городе, где тепло,
судя по всему,
охраняется фавном...^{*****}

Особым покровительством доброго бога древних италийцев Фавна (от латин. *favere* – быть благосклонным) пользовались стада: он способствовал их размножению и оберегал их от волков. Но Фавн не только охранитель, он и родоначальник песни, отчего и самый размер древнейших римских стихотворений называется Сатурновым или Фавновым. Так пусть же «одесские стада» тучнеют, а песни сочиняются не хуже римских.

**** 2, с. 38.

***** 1, с. 278.

***** 6.

Список литературы

1. Голубенко Г. Рыжий город, или Четыре стороны смеха. – М.: Эксмо, 2011. 286 с.
2. Жванецкий М. Южное лето (Читать на Севере). – М.: Эксмо, 2014. 270 с.
3. Жиже С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Дело, 2014. 528 с.
4. Крестева Ю. Мой интерес к языку – это материализованный доступ к духу // Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.
5. Соя Ес. О главном слишком. <http://www.stihi.ru/2012/06/17/7253>
6. Эко У. Полный назад! «Горячие волны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007. 592 с.

Москва

